

НАША СТРАНА

Год издания 72-й. Буэнос Айрес, 21 декабря 2019 «NUESTRO PAIS» Buenos Aires, 21 de diciembre de 2019 No 3116

Архив адмирала Колчака: в распыл или под спуд?

В российских газетах, в выпусках теленовостей, на интернет-ресурсах и в блогах – переполох: стало известно, что парижский аукционный дом Drouot готовит торги, на которых будет распродан семейный архив, принадлежавший наследникам Верховного Правителя России, адмирала Александра Васильевича Колчака. Вот цитата из российской газеты «Известия»:

«Неизвестные архивы Александра Колчака уйдут с молотка. В парижском аукционном доме Drouot готовятся торги, на которые будут выставлены документы, письма, дневники, телеграммы, фотографии и книги адмирала Белой армии. В общей сложности — около 300 лотов, пояснили «Известиям» кураторы проекта. По мнению экспертов, это крупнейшая за последнее десятилетие распродажа во Франции документов, связанных с русской историей. В течение нескольких десятилетий архивы хранились у внука адмирала — Александра Ростиславовича Колчака, который скончался на 86-м году жизни в марте 2019 года. — О существовании этого архива было известно, но мы не знали, что в нем находится, — рассказали «Известиям» Алиса и Иван Бирр, эксперты кабинета Tessier & Sarrou, который курирует эти торги. — Перед нами целый пласт русской истории — приказы, декларации, речи, воззвания, обращения, часть которых написана рукой адмирала. Среди лотов — переписка Колчака с его женой Софьей Федоровной, урожденной Омировой, — письма 1914–1918 годов, которые адмирал направлял ей в Петербург и в Крым, а также его последние послания, написанные за несколько месяцев до его убийства под Иркутском 7 февраля 1920 года. В одном из писем, адресованных Софье, свидетель рассказывает о том, как расстреливали ее мужа. — Эстимейт (предпродажная оценка. — «Известия») на письма — от €1 тыс. до €3 тыс. В общей сложности мы располагаем примерно 120 посланиями адмирала, — пояснили Алиса и Иван Бирр».

Полностью публикация в «Известиях» доступна по интернет-адресу: <https://iz.ru/935659/jurii-kovalenko-valeriia-nodelman/valeriia-nodelman-plavanie-arkhiv-kolchaka-mozhet-razoitis-po-kollekcioneram>, здесь же размещены фотографии некоторых документов, и каждый желающий может воспользоваться этой интернет-ссылкой, и ознакомиться с публикацией подробно.

Мыжепоговоримнемногоодругом. Известный сетевой «колчаковед» Хандорин, естественно, страшно перевозбудился, и постоянно публикует в своём блоге «сводки с фронтов»: то принимается расхваливать одиозного Жириновского, который с трибуны Государственной Думы обратился с призывом к российским толстосумам выкупить

колчаковский архив и «вернуть его в Россию», то публикует какие-то сомнительные «социологические данные», согласно которым «78 процентов россиян считают, что архив Колчака должен быть возвращён на родину».

Оговорюсь сразу: у меня нет особых оснований доверять данным записного сетевого «колчаковеда» Хандорина, но даже если та статистика, которой он оперирует, и верна, то я не отношу себя к этим семидесяти восьми процентам — я против того, чтобы архив Верховного Правителя был выкуплен кем-то из состоятельных российских «меценатов», был перевезён в Москву, и оказался в распоряжении хандориных и им подобных.

Объясню свою позицию. Всероссийский всплеск интереса к личности адмирала Колчака начался после выхода в 2008 году на широкий экран фильма «Адмирал», посвящённого судьбе Александра Васильевича. В следующем году вышла уже телевизионная версия — и именно фильм, а не «многолетние исследования» всевозможных «колчаковедов» сделали имя Колчака необычайно популярным среди жителей РФ. Именно на этой-то волне почти всенародной симпатии к Колчаку и поднялись такие, никому прежде не известные и малокалиберные персонажи, как тот же преподаватель Томского Государственного Университета Хандорин. Однако, всенародная популярность — штука ненадёжная: сегодня у толпы могут быть одни любимцы и кумиры, а завтра будут совершенно иные. Хандорин это понимал, и очень быстро «поймал волну»: перебрался из Томска в Москву, стал профессором, и теперь преподаёт историю в небезызвестном Свято-Тихоновском Университете, принадлежащем Московской Патриархии.

Однако, Хандорин — это далеко не самый худший вариант «российского историка», сделавшего себе имя на «колчаковской» теме: у Хандорина, по крайней мере, пока хватает порядочности не передёргивать факты и не создавать откровенных сказок. А ведь немало в современной Российской Федерации и таких «историков», которые готовы «примирять белых и красных», не гнушаясь никакими средствами, вплоть до публикации совершенно уж шизофренических «научных исследований».

Так, к примеру, мне неоднократно приходилось слышать такую «научную гипотезу», согласно которой... внимание! — «Адмирал Колчак вовсе не был расстрелян 7 февраля 1920 года в Иркутске, а был тайно вывезен в Москву, где большевики предложили ему совместно работать на благо России, и он это предложение принял. До 1940 года Александр Васильевич скромно жил в небольшой

квартирке в Кронштадте, где занимался разработкой Северного Морского Пути. Был очень ценным и уважаем Сталиным, который лично распорядился обеспечить полярного исследователя всем необходимым для работы, а в 1939 году наградил его — естественно, тайно! — почётным званием «Герой Советского Союза» и орденом Ленина».

Если вас, уважаемые читатели, после прочтения вышеприведённого отрывка не стошнило, то у меня — вернее, у тех, кто сегодня занимается переписыванием истории гражданской войны в России — есть и другая версия событий.

Согласно этой версии, «...Адмирал Колчак ещё в 1918 году присягнул англичанам, и с тех пор до самого своего бесславного конца находился на английской военной службе, не за страх, а за совесть работал на своих новых хозяев-англичан. Вся его так называемая «сибирская армия» была ничем иным, как обычным «туземным» экспедиционным корпусом, действовавшим в интересах метрополии — отсюда и небывалые, даже по меркам гражданской войны, зверства колчаковцев в отношении сибирских крестьян. Конечной же целью Колчака было отторжение Сибири от России и установление на этой территории прямого британского колониального управления».

Версии, как говорится, на любой вкус: для тех, кому и Колчак симпатичен, и от «славного советского прошлого» не хочется отказываться — пожалуйста, сказка о «герое советского союза и сталинском любимце»; для твердолобых же красных, не нуждающихся ни в каком «согласии-и-примирении» — пожалуйста, погалочка о «британском наймите, мечтавшем отдать Сибирь англичанам».

И лишь для нас, для русских антикоммунистов, у современных «бойцов идеологического фронта» нет никакой подходящей сказки: мы-то знаем, как оно было на самом деле, и кем был и остался для нас адмирал Колчак. И «бойцы идеологического фронта» знают, что в их сказки мы верить не будем, и что нам они не нужны.

А теперь... Теперь представьте, уважаемые читатели, каких ещё сказочек и страшилок про Александра Васильевича Колчака может насочинять и вбросить в массы современный российский Агитпроп, если только получит в своё распоряжение семейный парижский колчаковский архив!...

Самое же отвратительное будет заключаться в том, что архив этот «бойцы идеологического фронта» не станут даже изучать, но постоянно будут на него ссылаться — поди, проверь!

Если вы, уважаемые читатели, ещё не в курсе, то должен сообщить вам о том, что в современной РФ с некоторых пор нет свободного доступа ко всем историческим

архивам: иные архивные документы можно получить для изучения только по представлению руководства, а многие архивные материалы — например, касающиеся не самых пафосных страниц истории Вто-рой Мировой войны, а также по-литических репрессий советского режима против граждан, недавно были засекречены ещё на пятьдесят лет. Согласитесь: в таких условиях можно сочинять какие угодно сказки и легенды, как угодно передёргивать факты и т. д. — особенно, если есть определённый «политический заказ».

А в заключение я хочу напомнить читателям о судьбе так называемого «Смоленского архива» — архива Смоленского областного комитета ВКП(б) и Смоленского НКВД, который в условиях стремительного продвижения германских войск на восток летом 1941 года, вопреки сталинским директивам, не был ни уничтожен, ни эвакуирован.

Смоленский архив был вывезен в Германию; затем, в 1945 году, он был обнаружен в американской зоне оккупации, и вывезен в США. В Северо-Американских Соединённых Штатах документы Смоленского архива стали доступны исследователям — и, опираясь на архивные материалы, американские историки не только смогли получить представление о том, что же творилось на территории СССР в 1920-е — 30-е годы, но и стали активно публиковать свои работы, в которых прямо говорилось о масштабах преступлений большевицкого режима.

Руководство СССР всё это сильно раздражало, и неоднократно делались заявления о том, что это-де, «фальшивка ЦРУ», но... но у любого исследователя была реальная возможность познакомиться с материалами этой «фальшивки», и сделать на сей счёт свои собственные выводы. На протяжении более, чем полувека, материалы Смоленского архива были доступны для изучения историкам, политикам и журналистам всего мира, пока в 2002 году Конгресс США не принял решение о передаче архива Российской Федерации. А в Российской Федерации большая часть Смоленского архива была тут же засекречена: лишь самая его малая толика доступна сегодня для изучения — и то сказать, доступна только тем историкам, чья лояльность «генеральной линии партии» не вызывает сомнения.

И я очень боюсь, что семейный архив Верховного Правителя России, адмирала Колчака здесь ждёт ровно та же судьба.

Роман Днепровский

**НЕ ЗАБУДЬТЕ
ВНЕСТИ
ПОДПИСНУЮ
ПЛАТУ ЗА 2020 ГОД**

Что было, то и будет: и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. (Екклесиаст, 1 – 9).

В июне 1854 года война России против коалиции Великобритании, Франции, Турции и Сардинии шла уже четвёртый месяц. Великое Герцогство Финляндское и прибалтийские губернии были объявлены на военном положении.

Аландский архипелаг, крайняя западная точка Великого Герцогства Финляндского, лежит между Финляндией и Швецией.

О необходимости держать там гарнизон силой не менее пехотного полка писал ещё до войны с Бонапартом генерал Барклай де Толли, в бытность свою командующий русскими войсками в Финляндии. К нему прислушались и выкупили под военный городок посёлок Скарпенс – именно выкупили, как у русских подданных, а не отняли по праву сильного.

Укреплённый форт строил брат будущего героя Отечественной войны, Иван Богданович Барклай-де Толли. Местом для крепости он избрал берег пролива Бомарзунд между островами Аланд и Престё. Здесь же была удобная бухта для стоянки судов.

В 1832-34 годах был построен главный форт – двухэтажная каменная казарма на 2500 человек и казематы на 200 орудий. На господствующих над местностью холмах возвели три башни – С, U и Z, и несколько более мелких укреплений. Но цитадель была ещё далеко не построена...

Узнав о форте на Аландах, не на шутку встревожилась Британская Империя. Она всегда тревожилась, когда Россия хоть как-то проявляла себя на морях. Ведь у «этих русских» почти нет морской торговли, так зачем им укреплять острова?! Не иначе как они решили угрожать Альбиону! Пора остановить агрессивного русского медведя! В Петербурге в это время сочинили куплет: «Вот, в воинственном азарте, воевода Пальмерстон поражает Русь на карте указательным перстом».

21 июня британцы произвели разведку боем: два фрегата и шлюп подошли к архипелагу, обстреляли Бомарзунд и подожгли один из деревянных домов. В ответ один из фрегатов получил русское ядро на палубу, после чего англичане отошли, ожидая основные силы.

А силы «воевода Пальмерстон» собрал огромные: под начальством адмирала Чарльза Непира к Аландскому архипелагу вышел флот из 49 кораблей, из которых 9 были линкорами, с 22 тысячами человек морских экипажей, «Royal Marines» и 2344 орудиями. Плюс союзники-французы послали на подмогу вице-адмирала Парсеваль-Дешена с эскадрой из 31 корабля, на которых было 1308 орудий. Суда, в основном, были винтовыми, пароходо-фрегатами и пароходами.

Гарнизон же Аландов под командованием генерал-майора Якова Андреевича Бодиско насчитывал 2175 человек, из которых 1600 были военнослужащими, остальные – чем-то вроде вольнонаёмных рабочих для постройки укреплений.

Форт Бомарзунд имел 68 орудий: 28 24-фунтовых и 17 12-фунтовых пушек, 23 пудовых единорога. Башня С – 16 12-фунтовых орудий, башни U и Z – по 18 орудий: две 32-фунтовые и 12 18-фунтовых пушек в казематах и четыре пудовых единорога на верхней платформе.

Канониров было так мало, что с пушками учили обращаться наиболее толковых пехотинцев.

АЛАНДЫ: СЛАВА И ПОЗОР

С 10 июля союзный флот установил блокаду архипелага, полностью прервав сообщение крепости с внешним миром. На Балтику дополнительно везли французскую пехотную дивизию генерала Бараге д'Илляса в 12 тысяч солдат.

Но даже такую блокаду дважды прорывал ротмистр Н. В. Шеншин, на простом баркасе, первый раз – в начале июля, а второй – в 20-х числах, доставляя приказы о Высочайшем благоволении, письма офицерам и Георгиевские кресты финляндским гренадерам.

Второй раз храбрец ухитрился пройти под покровом ночи в сотне метров от английского фрегата... За эти подвиги он стал флигель-адъютантом.

В письме графу Орлову ротмистр Шеншин писал: «При всей слабости недооконченных укреплений, Аланд в продолжении месяца сосредоточил на себе внимание двух соединённых флотов и тем принёс пользу Отечеству».

Император Николай I сомневался, что острова выдержат даже 10 дней бомбёжек и штурма. В Кронштадте, на совещании по поводу возможных действий против союзников на море, он описал ужасное, почти беспомощное состояние Аландов, окружённых вражеской армадой и ожидавших высадки войск. Император предложил атаковать врага на море, чтобы хоть как-то отвлечь его от Бомарзунда. Реакция моряков оказалась более чем холодной, они его не поддержали (вот вам и царская тиранья, читатели!)

Адмиралы Литке и Рикорд изложили свою точку зрения: «Имея винтовые линейные корабли, он (противник. А.В.), всегда может уйти от наших парусных... Наш же флот может подвергнуться большой опасности, если главные силы неприятеля, извещённые крейсерами, на него обратятся». Великий Князь Константин шепнул Литке на ухо: «Есть несчастная мысль вывести в море флот – оспаривайте её».

Даже просто выход флота в море мог отвлечь союзников от островов. Но корабли остались в гаванях...

Армада союзников встала против форта, разрушая укрепления ракетами системы Конгрева и снарядами огромного калибра.

В ответ русские канониры разбили кожух машины одного из пароходов и заклинили другому руль; англичане удалились на безопасное расстояние. Ещё один паровой фрегат удалось подбить в заливе Лумпарен, а фрегат «Пенелоп», выскочивший на камни, так избил ядрами, что британец смог уйти, лишь выбросив в море всю артиллерию.

Союзники решились высадиться лишь за пределами досягаемости наших орудий. Они обозначили высадку севернее Бомарзунда, а настоящий десант 11 тысяч человек был на юге, у мыса Транвик.

Весь конец июля британцы выгружали осадные орудия и огромное количество припасов.

«При наших ничтожных силах, высаживавшимся не было оказано почти никакого противодействия» – вспоминал очевидец. Десантников встретил лишь один казачий разъезд, быстро отступивший.

Затем британцы двинулись к посёлку Финбю, стоявшему на полпути к крепости. Над местностью господствовала башня С, на которой десант сосредоточил огонь

всей артиллерии, при поддержке кораблей. Командир её крошечного гарнизона, капитан Теше, световым телеграфом просил генерала Бодиско помочь резервами, но тот не прислал ничего, мотивируя это тем, что сам находится под огнём.

Во время короткой передышки капитан вышел к Royal Marines и вежливо попросил их удалиться...

Башня капитана Теше держалась с 28 июля по 2 августа, пока её командир, дважды раненый штыками, не попал в плен. Но один из снарядов угодили в пороховой погреб, и башня врагу так и не досталась...

Местное население считало себя не русскими, а финнами и никакого участия в судьбе форта не проявляло. Англичане же ещё до начала осады подстрекали их различными слухами против русских и убеждали не платить податей. И среди островитян нашлись люди, сообщавшие десантникам сведения военного характера, в Финбю и Годбю они продавали англичанам скот. Указания на услуги аландских лоцманов попадают в английских мемуарах довольно часто. Генерал Бодиско до начала осады приказал зарыть в разных местах архипелага запасное оружие и боеприпасы, но островитяне указали эти места англичанам...

Затем союзники пошли на штурм укрепления U. Защищавший его поручик Зверев огнём двух своих пушек подбил два британских орудия, неоднократно накрывал вражескую батарею, на которой погибли артиллерийский офицер и четыре канонира. Но английские снаряды проделали в башне огромные бреши, заменить подбитые пушки было нечем, помощь не присылали... Когда британцы взяли башню U, сам адмирал Непир спросил Зверева через переводчика: «Как вы так долго смогли держаться против такого огня?» и приказал вернуть поручику шапку.

После этого союзные корабли и десантная группировка 8 часов подряд обстреливали Бомарзунд из 800 орудий. Русские ядра до врага не долетали; офицеры и солдаты были страшно утомлены канонадой и ночными бдениями. Но дух гарнизона враг не сломил, полковой священник появлялся везде, отпевая убитых, утешая раненых, воодушевляя здоровых...

На острове Прест-Э оставалась ещё башня Z, под командой поручика Шателена, посадившего в оборону стрелков финляндского гренадерского батальона. Британские десантные баркасы, попытавшись подойти к посёлку, попали под такой дружный огонь, что вынуждены были отойти назад...

4 августа, в 9 часов утра, три британских фрегата – «Леопард», «Гекла» и «Косит» начали бомбардировать посёлок. Дуэль башни Z с кораблями длилась два часа; враг отступил. На башне было подбито орудие, а его прислуга перебита или переранена. «Леопард» получил 11 пробоин и потерял грот-мачту.

Известно, что флот «владычицы морей» предпочитает вступать в бой, когда риск не слишком велик. Так поступал он и при Бомарзунде, стараясь всё время быть вне досягаемости русских орудий.

И тут генерал-майор Бодиско – брат декабриста – поднял белый флаг...

Один из защитников архипелага, рядовой вольноопределяющийся Иван Загородников, во возвращении из английского плена, написал чрезвычайно гневные мемуары, в

которых более всего досталось командованию: «Справедливо сказать, что крепость сдана на скорую руку, без должного совещания коменданта и подполковника Клинштета, с гг. офицерами: на каком основании оставили укрепления неприятелю и нас, как овец, без счёта, поспешно предали в жертву врагу? Картина Аландской войны и плена была и грозна, и смешна: главное начальство в бою нигде не присутствовало, не подавало собою пример неустрашимости воинам... и где оно находилось во время битвы, не знаю (кроме офицеров, командовавших орудиями)»

Но каждый на своём месте обязан делать всё, что может... И гарнизон Аландских островов исполнял это требование. Недостатка в примерах отваги и преданности делу у него не было. Один канонир, не желая живым сдаваться, перерезал себе на руках вены и умер у стен форта.

Были храбрецы, ринувшиеся к пороховому складу, желая взорвать себя, и лишь с трудом были удержаны офицерами. Знамя сожгли, чтобы оно не досталось врагам. Общее настроение солдат во время бомбардировок было таково: «Не простудишься, голубушка! – крикнул один, увидев, как английская бомба упала в воду. – Не куражься, ухи не сварить!» "Ну, ребята, говорил, рядовой Леонтьев, - резерва нам нет, на помощь не рассчитывай... Что робеть? Убыют, так Бог грехи отпустит".

Часть пехоты отказывалась класть оружие; ружья топили в колодцах, не желая отдать врагу.

Несколько канониров во главе с уроженцем Рязанской губернии Иваном Ерыгиным собрали группу смельчаков, чтобы вырваться с островов. Отбив внезапной штыковой атакой вражескую шлюпку, под огнём кораблей они сумели уйти в море, держа курс на Финляндию. Вскоре их подобрала русская канонерка.

А башня Z поручика Шателена так и не была взята с бою! Защитники, даже узнав о сдаче главного форта, единодушно решили не сдаваться, даже когда к острову подошли вражеские фрегаты, угрожая снести башню и никого не брать живым из 2 офицеров, 16 канониров и 94 пехотинцев. Пришлось присылать из Бомарзунда священника... Героев взяли в плен лишь на их условиях: офицерам сохраняют шпаги, а в плену держатся все вместе. Гарнизонную церковь христиане-союзники... взорвали, а церковное имущество поделили между собой. В лондонском Тауэре до сих пор хранятся «трофейные» бомбарзундские колокола...

Генерал Бодиско всю ночь перед сдачей форта оставался у себя, в хорошо укреплённой и освещённой комнате, имея у дверей личный караул из казаков и стрелков, когда в крепости каждый солдат был на вес золота... «Как же вы защищали крепость, – спросил позже ветеранов Царь Александр III, – что она была сдана неприятелю?» «Не мы сдались, – ответили ему старые солдаты, – а комендант, который во время бомбардирования сидел в погребе за мешками». Что ж... каждому своё, как в песне поётся: «кому – бесславье, а кому – бессмертие».

В эскадре «владычицы морей» вышло из строя по крайней мере 4-5 фрегатов. Таким образом, Аланды – это русские Мальвины, а многие моменты обороны поражают своей схожестью...

Антон Васильев

ОСТЕРВЕНЕЛАЯ КАМПАНИЯ ПРОТИВ СОЛЖЕНИЦЫНА

Одному из авторов «Нашей Страны» 2-го декабря приснился Александр Исаевич Солженицын. Он пишет: «Даже не приснился, я уверен, что не спал уже, просто было очень рано и ещё темно. И я увидел его лицо перед собой. Он выглядел лет на шестьдесят. Я спросил его: почему такая клевета на Вас льётся отовсюду? «Много плевел осталось» был ответ».

Действительно, кампания в Российской Федерации против Нобелевского лауреата, которому 11-го декабря исполнился бы 101 год, достигла небывалой ожесточённости.

Каждый день недоброжелатели в прессе передёргивают факты или просто пишут неправду, ориентируясь на путинскую линию возрождения сталинского культа, и игнорируя тексты писателя, на которого, между тем, ссылаются, но не приводя цитат.

Они не столько критикуют автора «Архипелага ГУЛАГ», сколько скачиваются на ругань. Солженицын мол – «прохвост» и «предатель». Тот, о ком пишут, ушёл из жизни, ответить не может. Поэтому авторы так храбро и изъясняются.

Как началась в стране кампания против А. И. Солженицына в 1960-х годах (наверно, одной из первых ласточек была статья **Н. Миронова** «Отказываю в доверии», опубликованная в первом номере журнала «Байкал» за 1964 год), так она до сих пор и продолжается. Уже больше полстолетия. Тысячи публикаций, в которых авторы соревнуются друг с другом: кто больше обольёт грязью Солженицына.

Клеветали на него всегда, но таких монбланов лжи как в настоящее время, пожалуй ещё не бывало.

Например пишут, что Солженицын «в своей «гарвардской речи» перед сенаторами США 30 июня 1975 года призывал нанести ядерный удар по СССР и сбросить на него 200 ядерных бомб. Такое может желать родине только отдельно взятый подонок и негодяй».

Но если мы возьмём текст этой речи Солженицына, то обнаружим, что таких слов там нет. И ничего подобного тоже не найдём. Эта байка о «200 бомбах» кочует уже не первый год в разных изданиях. Но никто из авторов этой фальшивки не смог предъявить цитату из этой речи о бомбах. Просто потому, что её нет ни в одной из Гарвардских речей (1975 и 1978 годы).

Об «Одном дне Ивана Денисовича» говорится, что повесть «надумана и высосана из пальца». Видно, не довелось авторам сидеть в концлагере, а то бы они такого не написали. За номером «Нового Мира», где был напечатан «Один день Ивана Денисовича», выстраивались очереди. Этот рассказ вызвал огромное количество откликов читателей.

Люди писали Солженицыну о своих изломанных судьбах, и писатель потом использовал эти человеческие свидетельства в книге «Архипелаг ГУЛАГ». Этот рассказ вызвал восхищение у многих писателей, в том числе у Александра Трифоновича Твардовского, который выдвинул его на соискание главной литературной премии страны.

Клеветники утверждают, что «собрание баек и легенд», как они называют «Архипелаг ГУЛАГ», способствовало разрушению Советского Союза, а теперь пы-

тается разрушить и Россию. Получается, что один человек, к тому же не облечённый властью, смог разрушить огромную страну.

В какие только крайности не бросаются. То пишут, что литература не оказывает влияния на людей («самые замечательные произведения мировой литературы не смогли сделать людей лучше»), то, наоборот, оказывается, произведения литературы могут способствовать разрушению государства. А на деле страну разрушили коммунисты.

Пишут, что не отличаются «литературным достоинством» «Раковый корпус» и «Август 14-го», «а уж об эпопее «Красного колеса» с его тяжеловесным стилем и говорить нечего». Видимо, не знают, что «Август 14-го» является составной частью этой эпопеи.

Обвиняют Солженицына в разных грехах, которые легко опровергнуть. Но они всё равно пишут, авось от клеветы что-то останется. Этих авторов никто не знает, а Солженицына знает весь мир. Может, надеются, что таким образом и их имена останутся в истории, если они примажутся к известному человеку.

Вот пишут, например, что Солженицын бросил родную страну и 20 лет жил на Западе, что Нобелевскую премию ему дали за «Архипелаг ГУЛАГ»... Но это неправда. Солженицын не собирался уезжать из страны. 12 февраля 1974 года его арестовали, а 13 февраля силой посадили в самолёт, который летел во Франкфурт-на-Майне. Там его встретил немецкий писатель, Нобелевский лауреат Генрих Бёлль. Когда 10 декабря 1970 года Солженицыну должны были торжественно вручить Нобелевскую премию в Стокгольме, он отказался поехать в Швецию, опасаясь, что назад его не пустят. Премию он получит спустя четыре года, уже находясь на Западе. Другие писатели, поставленные перед тяжёлым выбором, вынуждены были уехать на Запад сами: Аксёнов, Бродский, Войнович, Галич, Гладиллин, Коржавин, Максимов, Синявский и другие. А Солженицын сам не уезжал. Как, например, Владимир Буковский, которого обменяли на чилийского коммуниста Луиса Корвалана.

В формулировке Шведской Академии о присуждении премии Солженицыну «за нравственную силу, с которой он продолжил извечную традицию русской литературы» «Архипелаг ГУЛАГ» совсем не упоминался. Известие о присуждении премии Солженицыну пришло 8 октября 1970 года. А первый том «Архипелага...» вышел в Париже в конце 1973 года. Поэтому эта книга никак не могла фигурировать в решении шведских академиков. Такая ложь рассчитана на людей, не сведущих в биографии Солженицына.

В своё время Вадим Кожинов написал большую статью «Правда сталинских репрессий». В ней он пытался опровергнуть «Архипелаг ГУЛАГ» на том основании, что автор приводит неточные цифры репрессированных в сталинские времена. Но ведь в 1960-х, когда писалась эта книга, цифры репрессированных были засекречены. Они тщательно скрывались властями. Поэтому и подзаголовок был «Архипелаг...» «Опыт художественного иссле-

дования». Репрессии были, от этого никуда не деться, поэтому тщетными оказались попытки Кожинова опровергнуть «Архипелаг...». Как раз, наоборот, подобные статьи вызывают желание прочесть саму книгу Солженицына.

К столетнему юбилею писателя вышла книга, авторы которой также клеймят Нобелевского лауреата. Когда человека называют «шавкой», то это не анализ биографии, а просто ругательство. Разве это аргумент в споре? И так, А. Беляков, О. Матвейчев «Ватник Солженицына». – Москва, 2018. Мешая правду с ложью, авторы пытаются создать неприглядный образ писателя. Чтобы опровергнуть всю ложь, не хватит и площади всей газеты. Остановимся только на некоторых фактах..

Авторы пишут: «Судачил [Солженицын в 1980] «о советской провинции, где не хватает картофеля до весны, а других продуктов вообще не знают». Весной, мы получается, переходили на подножный корм, или что? Как шутили в те времена: «Хлеба не было, масло приходилось мазать прямо на колбасу»...».

Авторы ёрничают. Хлеб был, потому что СССР зерно закупал в Канаде и Аргентине. А вот масла и колбасы в начале 1980-х уже не было. Люди хорошо помнят пустые витрины магазинов. В продаже были только жир и маргарин, мяса тоже не было. Масло, мясо и колбасу можно было купить лишь в Москве и Ленинграде. Ещё некоторые северные города снабжались этими продуктами. Потом на них ввели талоны, и люди могли надеяться на получение своего пайка, отстояв большую очередь, и если товар не кончится. А картошки до весны хватало не везде. Она гнила на складах. С предприятий посылали людей на переборку картошки. Сколько её выбрасывали, так как она испортилась! Студентов же отправляли каждый год в деревню на уборку картошки на полтора-два месяца. В мае 1982 года пришлось даже принимать Продовольственную Программу.

Вот до чего дошло. Во времена развитого социализма людям сложно было купить продукты. Впрочем, авторы москвичи и могли не знать, как живут люди в провинции. Так могли бы спросить у них, поинтересоваться. Не захотели. Задача у них была другая.

Авторы пишут, что Солженицын лгал, когда в интервью испанскому телевидению (1976) говорил о запретах копировать внеслужебные документы и что за это нарушение можно получить 10 лет. Вот точная цитата из выступления, взятая из интернета: «Я смотрю, у вас работают ксерокопии. Человек может подойти, заплатить 5 песет и получить копию любого документа. У нас это недоступно ни одному гражданину Советского Союза. Человек, который воспользуется ксерокопией не для служебных целей, не для начальства, а для самого себя, получает тюремный срок, как за контрреволюционную деятельность». Никаких десяти лет здесь мы не найдём. Копировальные аппараты находились в закрытых помещениях и допуск к ним имели только определённые проверенные люди.

Вёлся строгий учёт того, что копировалось. Видимо, власти так боролись с «самиздатом», за

печатание, распространение и даже хранение которого можно было получить срок. В те времена даже пишущие машинки должны были стоять на учёте в милиции, а владельцы брали образцы текста, напечатанных на данной машинке.

Вернёмся к атомной бомбе. Авторы книги приводят цитату из «Архипелага...»: «Подождите, гады! Будет на вас Трумэн! Бросят вам атомную бомбу на голову!» и пишут, что Солженицын врёт, что кричал эту фразу надзирателям. Возьмём текст книги. Вот точная цитата с учётом контекста:

«Встречно ехавшие с пересылки Карабас привозили слухи, что там уже вывешивают листовки: «Довольно терпеть!» Мы накаляли друг друга таким настроением – и жаркой ночью в Омске, когда нас, распаренное, испотевшее мясо, месили и вливали в воронку, мы кричали надзирателям из глубины: «Подождите, гады! Будет на вас Трумэн! Бросят вам атомную бомбу на голову!» И надзиратели трусливо молчали». И где говорится, что кричал эту фразу Солженицын? В книге местоимение «мы», а не «я». И авторы книги при этом не присутствовали. Откуда они могут знать?

Приводятся слова Солженицына, что для «политических» заключённых амнистии не было. Авторы книги пытаются доказать, что это ложь и приводят в качестве примера амнистию, применённую к эсерам в 1919 году. Далее они пишут: «А в «Архипелаге» об амнистиях Солженицын рассказывает много, злобно и завистливо. Не попал он, например, под «ворошиловскую» 27 марта 1953 года – и пишет, что амнистия эта была вредная».

Разве это неправда? Конечно, вредная. Было выпущено более 600 тысяч уголовных заключённых, а 400 тысяч уголовных дел были прекращены. Не попали под амнистию осуждённые по «политической» 58-й статье.

В стране произошел всплеск преступности. Например, во Владими́ре шайка бывших зэков терроризировала город. Вспомним хотя бы фильм «Холодное лето пятьдесят третьего». Солженицын прав, в отличие от авторов книги. Все вышеуказанные примеры взяты только с трёх страниц упомянутого опуса.

Авторы пишут, что в военных письмах Солженицын «поплебейски хамит, называя Сталина «Паханом», а Ленина – «Вовкой». За эти письма Солженицын и был арестован. А тон и слова самих авторов как можно охарактеризовать? У них Солженицын – «злобствующий фанатик, брызжащий слюной из-под бороды», «предатель», «дуптый» пророк. У него, оказывается, «фальшивая солженицынская борода» (проверяли что ли?), он – «законченный мерзавец», «дворовая шавка». Вторят им и многие другие авторы, характеризуя Солженицына такими словами: подонок, негодяй, прохвост, предатель и так далее.

Они обвиняют Солженицына в использовании «архаичных» слов, а сами применяют разнуданный тон и ругань. Разве это полемика? Критика? Это базарный гвалт и площадная брань.

Посмотрим, чьи произведения будут читать через эзное количество лет. Солженицына или этих совков?

П. Савельев

Контр-Адмирал К. П. Иванов-Тринадцатый

Воспоминания «РЮРИКЪ»

3

Во Владивостоке II

Всякий корабль, а тем паче военный, имеет свою душу, живущую в этой железной коробке, набитой всякими механизмами, пушками, снарядами и т. д. Что за структура этой души корабля определить очень трудно, но она особенно ясно выражается при продолжительном плавании и оставляет свой одинаковый отпечаток на всём личном составе, плавающем на этом корабле. Мне могут сделать возражение, что эта душа может зависеть от тех или иных условий различного удобства жизни на корабле, размещения мореходных качеств самого судна и наконец тех или иных индивидуальных качеств начальства и плавающего состава на судне.

Но это не так! За свою многолетнюю морскую службу мне лично приходилось испытывать на себе эту душу корабля, и как яркий пример я могу привести такой случай. На Дальнем Востоке плавали очень долго два совершенно одинаковых по типу судна "Владимир Мономах" и "Димитрий Лонской", условия службы, плавания, были совершенно одинаковыми, условия жизни на корабле совершенно тождественны, за многолетние плавания командный и личный состав были много раз перемены и стало быть индивидуальные качества людей здесь отпадают, а тем не менее души кораблей были весьма различны во всё время продолжения их жизни.

На "Димитрии Донском" все плавания совершались легко и не было человека, который поплавав на нём не оставлял бы у себя в памяти самое дивное воспоминание;

"Мономах" же отличался совершенно противоположными качествами, был корабль со мрачной душой и оставлял на плавающих на нём осадок мрачного тяжёлого воспоминания и это, я повторяю, продолжалось во всю жизнь этих кораблей до их гибели в Японскую войну.

Эта душа корабля появляется с момента его рождения и сопутствует ему во всю его службу до смерти, как и душа человека, и чем больше человеку приходится плавать на одном корабле, тем он всё яснее и яснее начинает познавать, чувствовать и ощущать эту душу, радуясь её радостями и печальсь её невзгодами, как живого близкого существа. И, как я уже сказал, на "Рюрике" душа была превосходной; режим, традиции, порядок службы на корабле всё было выработано и уложилось в свои рамки за время продолжительного плавания в водах Тихого Океана.

Я лично застал на крейсере несколько человек своих друзей по Черноморскому флоту, а остальной состав кают-компании мне тоже понравился, я быстро освоился со своими соплавателями и в душе искренно благодарил Эбергарда за такое удачное для себя назначение.

Мы стояли в доке в вооружённом резерве, который на Востоке несколько отличался от такового-же в Чёрном море — здесь, с зачислением судна в резерв, всё оставалось по прежнему. Личный состав полностью продолжал оставаться на судне, порядок службы на корабле несколько не изменялся и только непрерывные занятия, тревоги и учения практического плавания, заменялись ремонтами и дефектными работами, да содержание получалось по резервному, а также и съезд на берег был более свободным, чем во время плавания. Как и в Порт-Артуре, здесь не чувствовалось никаких признаков приближения войны, всё было мирно и тихо.

Особенно шантанный характер жизни Владивостока значительно усилился с приходом из Артура на зимовку сюда крейсеров. Молодёжь навёрстывала потерянное за летнее время в скучном Артуре и музыка гремела во всю, а предприниматели и владельцы наличных шантанов с театрами, кабарэ и ночных ресторанов пожинали обильную жатву. Наши морские дамы также не могли пожаловаться на скуку, так как при обычном недостатке во Владивостоке прекрасного пола, тут ещё прибавилось сразу такое количество кавалеров с приходом на зимовку из Артура крейсеров.

Доковые работы были закончены. Начались заморозки и отряд был поставлен по зимней диспозиции.

Мы стояли концевыми ближе к Гнилому углу. Наступившие морозы быстро сковали поверхность бухты и каждый крейсер оберегал вдоль борта облюбованное пространство для будущего катка, чтобы портовые катера, подходившие к судам для разных надобностей, не портили на этих участках лёд.

Наконец морозы закрепили бухту настолько, что можно было проложить из досок мостки от трапа на берег; обнесли их поручнями и провели провода с электрическими лампочками. Сообщение с берегом стало удобным, ибо не связывало с "отходящими шлюпками", столь часто портящими кровь мичманам, ретиво ухаживающими на берегу. Пора было подумать принять меры одеться потеплее и сохранить это тепло. Портом

был отпущен материал досок в достаточном количестве и судовыми средствами принялись за работу, где корабельные плотники могли показать всё своё искусство и изобретательность, конкурируя друг перед другом.

На входных трапах соорудились целые избышки в русском стиле с резными коньками и петушками на крышах; двери обивались войлоком, на световые люки одевали целые деревянные футляры со вставленными стёклами, промежутки засыпали опилками; элеваторы подачи на верхнюю палубу также облицевали деревом, а чтобы такой деревянный посёлок, воздвигнутый на верхней палубе не резал бы глаза, вся архитектура была размалевана подходящими красками и вид получился даже оригинально-красивым. Батарейная палуба по бортам внутри была закрыта также специальными деревянными щитами и крейсер приспособился перенести арктическую зимовку.

Приближалось Рождество, на судах начались разговоры относительно устройства ёлок для команды, а также и в кают-компаниях. Каждый ревизор хотел превзойти один другого в ёлочных подарках команде и праздничном улучшении стола, но так как экономические средства имеемые для этой цели на крейсерах были различны, и самым богатым в этом отношении оказался наш "Рюрик", благодаря очень продолжительному непрерывному плаванию на Дальнем Востоке, то начальство, учтя этот вопрос для избежания нежелательной зависти между командами различных судов распорядилось выработать известную для всех одинаковую норму, которая могла быть истрачена на человека в праздничные дни. Конечно это не могло касаться офицерских кают-компаний; на одних крейсерах было больше семейных, которые ближе подходили к экономическому вопросу, на других наоборот.

И в данном случае "Рюрику" посчастливилось, так как во-первых состав офицерской кают-компании был почти бессемейный, а во-вторых благодаря вышеуказанной причине долгого плавания мы располагали большим так называемым винным капиталом собственных денег (до

10.000 рублей), а потому единогласно было решено устроить ёлку со всякими присущими такому случаю затеями и подарками.

После весело проведённых праздников, когда угар их прошёл, принялись опять за работу, каждый по своей отрасли хозяйства и специальности. Шли бесконечные подтяжки механизмов, исправления мелких дефектов, пересмотр боевых запасов, занятия по специальности с нижними чинами и обязательные занятия с командой грамотностью.

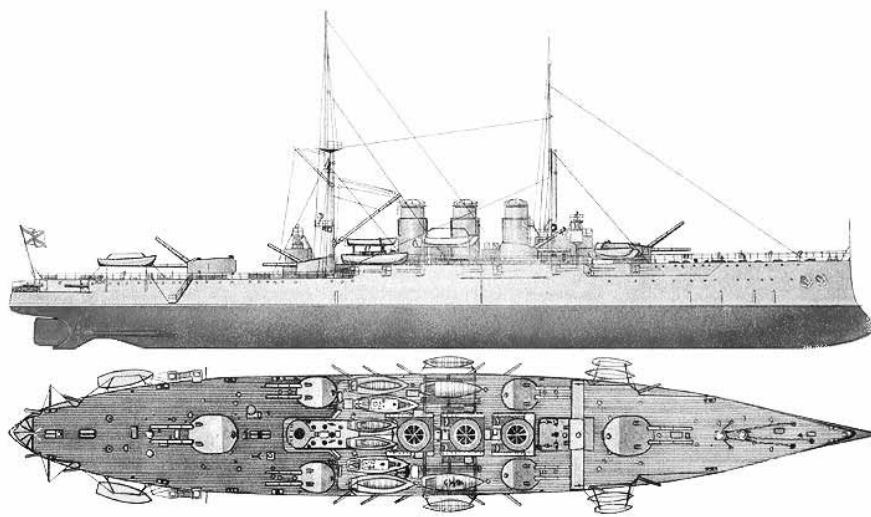
Так как по газетным сведениям дипломатическая натянутость с Японией по вопросам лесных концессий всё ещё не прекращалась, то и порядок службы на крейсерах был, что называется, на чеку.

Вахтенная служба, несмотря на то, что суда были окованы прочным ледяным покровом, неслась весьма тщательно и строго; наружные часовые от флага, гюйса и от трапов выводились внаружу крейсера на лёд, для охраны от какого-либо вредительства злоумышленниками. В секретном приказе по отряду, было объявлено, чтобы никаких крупных разборок машин или механизмов, могущих нарушить 12-ти часовую боевую готовность не производилось бы без разрешения Адмирала. Сигнал поднятия на стенге флагманского корабля исполнительного флага с пушечным выстрелом, должно было понимать, как начало войны.

Наступил 1904 год; жизнь отряда продолжала течь без перемен, но только пришедшая весть о нездоровьи Адмирала, нас всех опечалила. В начале не придавали такому известию большого значения, но когда Адмирал вместо поправки стал себя чувствовать всё хуже и хуже, то это начало нас уже беспокоить, а когда барон Штакельберг слёг в койку и приказом передал командование старшему из командиров — командиру крейсера "Россия" капитану I-го ранга Рейценштейну, то это известие повергло нас в уныние. Помимо того, что все любили Адмирала, в него верили и ценили его опыт и качества, что не могло не отражаться в наших думах, всё таки считаясь с вопросом о возможности войны.

Адмирал почему-то не пожелал съехать для лечения в госпиталь и оставался у себя в каюте в ожидании присылки ему замены, но фактически все дела передал Рейценштейну, так как подниматься с постели не мог, у него было что-то с печенью и с почками.

(Продолжение следует)

Броненосный крейсер I-го ранга "Рюрик",
Российского Императорского Флота

Узел "Нашей
Страны"
на интернете
-обновленный-
nashastrana.net